
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'373.45:811.512.157

E. N. Афанасьева

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИИ РАДОСТИ В РОМАНЕ АММА АЧЧЫГЫЙА «СААСКЫ КЭМ» («ВЕСЕННЯЯ ПОРА»)

Посвящена изучению способов языковой объективации эмоции радости в тексте романа «Сааскы кэм» («Весенняя пора»). Анализ лексических единиц проводится с применением метода функционально-семантического поля. Лексико-семантическая наполняемость поля определяется спецификой языка и текста. В структурном плане представлено разнообразие словоизменительных и словообразовательных возможностей языка: 1) аффиксация способствует образованию разных форм глагола, деепричастий на -а, -ан, переход в другие части речи (имя существительное, имя прилагательное, наречие); 2) образование аналитических форм глагола при помощи служебных слов; 3) образование парных слов способом словосложения. Семантическая характеристика языковых единиц обусловлена контекстом, актуализируются дополнительные оттенки значения слова, богатство идеографической и контекстуальной синонимии. Ядро поля состоит из лексем-наименований поля «радость». Радость ассоциируется с детством, с чувством тепла и счастья. Центр поля образуют производные прилагательные, наречия, объединенные семой «радостный», и парные слова с компонентом ўер-‘радоваться’ в сочетании с другими словами на основе ассоциативной связи по сходству или по контрасту. Периферия поля представлена контекстно обусловленными употреблениями языковых единиц, обозначающих положительное эмоциональное состояние человека: веселье, счастье, игравость, юмор. Внешне радость выражается смехом и улыбкой. В романе радость является зеркальным отражением чувства печали. Радости сопутствуют горе и скорбь, что передается модификацией лексического значения в контексте, употреблением стилистических приемов антитезы, антонимии и иронии. Через тонкое описание эмоционально-психологического состояния человека автору удалось создать мир настроений, полный разных оттенков человеческих эмоций, чувств и взаимоотношений.

Ключевые слова: эмоция радости, семантическое поле, значение слова, контекстуальное значение, семантический признак, дополнительный оттенок значения, семантическая модификация, словообразовательный потенциал, аффиксация, парное слово.

E. N. Afanasiyeva

Verbalization of the Emotion of Joy in the Novel «Saasky Kem» by Amma Achchygyja

The article is devoted to the study of linguistic objectification of emotion of joy in the novel «Saasky Kem». An analysis of lexical units representing the emotion of joy carried out with the functional-semantic

АФАНАСЬЕВА Евдокия Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры английской филологии Политехнического института (филиала) СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Мирный.

E-mail: lukow@mail.ru

AFANASYEVA Evdokia Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology, Polytechnic Institute (branch) of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University in Mirny.

field method. The features of language and text determine the lexical and semantic content of the field. In structural terms a variety of inflectional and derivational language features is represented: 1) the affixation of the basic root *yөr-* *to rejoice* gives a different forms as participles in -a, -an, noun, adjective and adverb, 2) various forms of the analytical verbs, 3) the formation of compound words. Semantic characteristics of the words depend on the context; contextual meaning and synonymy are realized. The core of the field consists of the words denoting «joy». Adjectives and adverbs combined by seme «joyful» and pair words with a component *yөr-* in combination with other words based on similarity or contrast form the center of the field. Language units indicating positive emotional states as fun, happiness, playfulness, humor represent the periphery of the field. Externally, the joy is expressed by laugh and smile. The joy and the sadness are two sides of the same coin. The joy is accompanied by grief and sorrow that is denoted by meaning change and by the use of stylistic devices as antithesis, antonyms and irony. A fine description of the emotional and psychological state of the person create a special world of sentiment, full of different shades of human emotions, feelings and relationships.

Keywords: the emotion of joy, semantic field, lexical meaning, contextual meaning, semantic feature, connotation, semantic modification of meaning, word-formation potential, affixation, pair word.

Введение

Роман Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыйа «Сааскы кэм» занимает особое место в якутской литературе. Произведение, пронизанное добрым оптимизмом и легким юмором, остается популярным и актуальным у современных читателей; по его мотивам ставят театральные спектакли, обсуждают его в интернет-форумах. Исследователи признавали роман одним из лучших прозаических произведений XX века, называли выдающимся явлением литературы саха [1] и признают его «классическим памятником словесности» [2]. Свидетельством высокой оценки является и народное признание романа энциклопедией жизни якутского народа.

С литературоведческой точки зрения произведение исследовано несколькими поколениями ученых и критиков (Г. К. Боскоров, Н. П. Канаев, В. Уваров, Ю. Н. Прокопьев, В. Т. Петров, Н. Тобуроков, Д. Е. Васильева, В. Б. Окорокова, З. К. Башарина, А. Ващенко, В. Капустин, А. Н. Мыреева, А. А. Бурцев, В. М. Переверзин и другие). Каждый из них открывает новые грани произведения и представляет собственный вариант интерпретации с точки зрения своего времени. В этом плане произведение по праву остается одним из неиссякаемых образцов якутской классической литературы и оправдывает статус «Книги нации». А. А. Бурцев определяет роман как многогеройную эпопею, в которой представлено все разнообразие якутского общества первых десятилетий XX века: «Подлинная эпическая природа произведения сказалась в создании обобщенного образа народа из целой полифонии судеб и характеров» [3, с. 82].

Исторический фон романа составляют крупные события начала XX века; судьбы героев прослеживаются на фоне Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны и коллективизации. Главный герой Микита взрослеет вместе с молодой советской страной, в конце превращается в твердо стоящего на ногах зрелого человека. На его глазах происходит трансформация общества, процесс становления нового сознания, освоение нового сложного времени. Народ переживает непростое и противоречивое время, несмотря на тяготы жизни, не теряет надежду на лучшее будущее.

Произведение отражает национальную самобытность народа саха в полной мере: «Национальный характер романа Н. Е. Мордина фокусируется, кроме всего прочего, в его языке и стиле» [3, с. 85]. Амма Аччыгыйа признан мастером художественного слова, об этом свидетельствует содержание сборника научных статей «Амма Аччыгыйа – уран тыл улуу маастара» (2007), посвященного творчеству писателя [4]. Язык романа богат лингвистическими и стилистическими средствами, характеризующими неповторимый стиль писателя. Его отличительной чертой является ярко выраженный эмоциональный компонент, который проявляется в употреблении живых образцов разговорной речи. Языковедов вдохновляет

мастерское владение писателя словом как средством художественной выразительности и стилеобразования. Исследование проблем языковой специфики текста романа охватывает все уровни языка: грамматику, лексику и фразеологию. В конце XX века язык писателя был изучен М. А. Черосовым (крылатые выражения) [5], Г. Г. Филипповым (морфологические и синтаксические особенности языка) [6], Ю. И. Васильевым (сравнительные обороты) [7] и другими. Исследованию лексики и синтаксиса произведений Амма Аччыгыйя посвящена серия статей И. П. Винокурова, который обратил внимание на специфику употребления русизмов и речевых структур [8-10]. Современные исследователи продолжают традиции изучения языка писателя, выделяя разнообразие изобразительных средств: категорию итеративности (Е. М. Самсонова), категорию качественности (Н. И. Винокурова), категорию каузативности (Н. И. Данилова), образные и звукоподражательные определения (Г. Г. Торотоев), функционирование фразеологизмов (Л. М. Готовцева) [11]. Исследование В. С. Федоровой, А. А. Григорьевой показывает, что в силу своей выразительности, простоты и корректности язык рассказов писателя может послужить примером речевого этикета [12]. Роман изучается не только с точки зрения литературоведения и языкоznания, но и педагогами в воспитательных целях. В этом ключе С. И. Ефремова отмечает историческую роль языка романа «Сааскы кэм» в становлении культуры личности и нации [13]. Несмотря на всеобщее признание статуса языка как литературного образца и освещение отдельных сторон идиолекта и идиостиля писателя, специальное комплексное исследование языка Амма Аччыгыйя и, возможно, составление корпуса его произведений, остается объектом изучения для языковедов.

Цель настоящей работы – выделить функционально-семантическое поле эмоции *РАДОСТЬ* в тексте романа «Сааскы кэм», определить его структуру и содержание. Выбор темы обусловлен высокой степенью эмотивности текста и частотностью употребления глагола *үөр радоваться* и его производных. Методологической основой послужили положения о психологической природе языка (Г. Штейнтель, В. Вундт), о единстве эмоционального и интеллектуального в языке (В. Гумбольдт). При анализе языкового материала применяется метод функционально-семантического поля, так как в центре внимания оказывается функционирование лексических, морфологических и синтаксических средств языка, презентирующих эмоцию радости. Вслед за А. В. Бондарко функционально-семантическое поле определяется как «система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [14, с. 21-24]. Объектом исследования является эмоция радости как часть категории эмоциональности, предметом – ее языковое выражение.

Эмоция как объект лингвистических исследований

Языковые, речевые, коммуникативные и стилистические средства выражения эмоциональности в языке и в тексте были в центре внимания многих лингвистов (Е. С. Кубрякова, В. И. Шаховский, А. Вежбицкая, Н. А. Красавский, М. Д. Городникова, А. П. Бабушкин и др.). В. Г. Гак выделяет два вида языковых средств в тексте: 1) средства, выражающие эмоции (междометия, эмоционально-оценочные восклицания, вербальные реакции); 2) средства, описывающие эмоции (непосредственная реакция на событие). Текст рождается в результате взаимодействия эмоционального и содержательного компонентов: «Эмоциональный аспект, наславиваясь на объективно-коммуникативный аспект высказывания (то есть на его номинативный аспект), подкрепляет его» [15, с. 646-647]. Исследование эмоций важно и с точки зрения культуры. По мнению А. Вежбицкой, интерпретация эмоций зависит от лексической сетки координат, которую дает родной язык, универсальные человеческие эмоции идентифицируются при помощи слов, отражающих культурную специфику [16].

Современная лингвистика все чаще обращается к материалу художественной литературы, в том числе при исследовании способов языковой объективизации эмоций. При этом категория эмоциональности рассматривается с разных сторон в лингвистике, лингвокультурологии, психологии и когнитивных теориях.

Эмоция радости изучается и в рамках отдельного языка, и в сопоставительном плане. Психолог К. Изард считает радость одной из десяти фундаментальных эмоций в мотивационной системе человека наряду с такими эмоциями, как интерес, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина. Радость – это позитивная эмоция, основанная на положительном восприятии мира. Основными характеристиками радости являются позитивное отношение к миру, к себе и ощущение себя в гармоничном единстве с ним: «радостный человек видит мир в его красоте и гармонии, воспринимает людей в их лучших проявлениях» [17, с. 153]. Существуют и другие определения чувства радости как эмоционального состояния, связанного с возможностью полного удовлетворения актуальной потребности [18]. В целом психологи связывают эмоцию радости с положительными перцептивными и когнитивными процессами.

В последние десятилетия появилось много работ по изучению концепта «счастье» в русле современных тенденций, в том числе с использованием материала художественной литературы. Среди них следует выделить специальное лингвокультурологическое исследование семантики концепта «счастье», проведенное С. Г. Воркачевым. На материале русского языка он определяет понятийную, метафорически-образную и значимостную составляющие и описывает функционирование его семантического дублета «блаженство» в религиозном и поэтическом дискурсах [19]. Д. В. Сергеева представила сопоставительный анализ концепта «радость» в английском и русском языках на материале полного корпуса текстов Ф. М. Достоевского и Ч. Диккенса. По ее мнению, сравнение языкового выражения концептов имеет важную роль в изучении этикетной культуры разных народов [20]. Для выявления моделей междометных фразеологизмов как средств вербализации эмоций Н. В. Скорик использовала произведения англо-американской литературы [21]. Изучение способов выражения эмоций на примере текстов художественной литературы представляет интерес как в рамках отдельно взятого произведения, так и в сопоставительном аспекте и является одним из актуальных направлений в лингвистике.

Структура и содержание функционально-семантического поля *РАДОСТЬ* в романе «Сааскы кэм»

На основе интегрального признака «радость» лексические единицы, репрезентирующие эмоцию радости, объединены в функционально-семантическое поле.

Ядро поля составляют глагол үөр *радоваться*, обозначающий эмоциональное состояние, и производное имя существительное үөрүү *радость* как основная номинация эмоции. По данным «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского, глагол үөр имеет два значения: ср. тюрк ўүрүн, ўргүн, ёрүн, *радоваться, веселиться* [22]. В романе раскрываются разные проявления эмоции радости. Герои ощущают радость в общении с родными. В контексте расширяется объем семантической структуры глагола, смысловое наполнение обогащается дополнительными оттенками. Глагол часто встречается в аналитических образованиях в форме деепричастия на -а со вспомогательными глаголами, например, үөрэ түс – *обрадоваться*, при этом значение глагола приобретает признак кратковременности, внезапности: Сөдүөччүйэ үөрэ түстэ [23, с. 150]. *Федосия обрадовалась* [перевод – Е. А.]. А глагол үөрэ ис – *идти и радоваться* имеет признак длительности: «*Ойом абыраннаңа* диэн үөрэ испитим» (147). *«Моему ребенку повезло»* [Николай] *шел и радовался про себя*.

Антитеза является характерным приемом идиостиля Амма Аччыгыйя. Чувство радости противопоставляется печали. В следующем контексте слово үөр- реализует противоположное значение «злорадствовать» как средство экспликации иронии: [Сөдүөччүйэ Микиитэй] – Нохоо, абан өлбүт сурабын истэн бачча үөрдүн дуо?! 6. [Федосия – Миките] – Сынок, ты так обрадовался, узнав о смерти отца?

Функционирование отглагольного имени существительного үөрүү дополняет содержание ядра поля. Радость ассоциируется с ощущением тепла: Онно, сороюр, дьон дууналара айыллаллар, дьон харахтарын түгэхтэригэр үөрүү сылаас толбонноро оонньууллар, дьон сирэй-дэрэ эйэбэс мичил сарыалынан сырдыыллар (294). *Там, порой, люди открывают свою душу*,

в глазах играют теплые лучи радости, лица светятся доброй улыбкой. Имя существительное үөрүү встречается в сочетании с личным местоимением в значении посессивности: Кини үөрүүтэ дьонн тиййэн, былсыр-былсыр көтөн ааспыт оюо саастарын санаппыт бынылаах (156). *Его радость передалась другим, видимо, напомнив ему давно ушедшее детство.* Одна из глав романа «Кэриэс» («Память») посвящена образу старика Федора, жизнерадостного человека, сохранившего в преклонном возрасте способность по-детски радоваться жизни: Ођолу үөрүү, тэбэнэттээх мичик, күн уота, эрэхэ долгун, күх сэбирдэх кини ньуурugar охсуллаллар, куоланыгар ићиллэллэр (307). *Детская радость, задорная улыбка, солнечный свет, рябь волны, зеленая листва отражаются на его [старика] лице, звучат в его голосе.*

Имя существительное үөрүү вместе со служебным глаголом буол- является компонентом аналитического глагола: Онтон сааһыры биир киёхэ улахан үөрүү буолла (6). *Весной однажды вечером пришла большая радость.* Радость и счастье, связанные с концом войны, передаются восклицаниями, выраженными параллельной конструкцией:

- О, бу дьолу көр! *O, посмотри, какое счастье!*

- О, бу үөрүүнү көр! (185). *O, посмотри, какая радость!*

Иногда братья Микита и Алексей испытывают радость охотника-добытчика: [Микиитэлээх Өлөксөй] «Бултаннахтарына» үөрүүлэригээр уурааллар-сыллааллар (137). [Микита с Алексеем] *Когда на охоте улыбается удача, они на радостях целуются, обнимаются.*

Благодаря вспомогательным средствам глагол үөр- приобретает темпоральные характеристики, признаки кратковременности и длительности. Противоположное значение «злорадствовать» является средством выражения иронии. Радость ассоциируется с детством, с чувством тепла и счастья.

Центр поля образуют производные прилагательные и наречие, объединенные семой «радостный»: үөрүүлээх *радостный*, үөрүннээн *жизнерадостный*, үөрүүлэхтик *радостно*. А также к нему относятся парные слова, состоящие из глагола үөр- и имени существительного үөрүү *радость* в сочетании с другими словами на основе ассоциативной связи по сходству или контрасту: үөр-көт *радоваться*, *ликовать*, үөрүү-көтүү *радость*, *ликование*, үөрүүлэх-көтүүлээх *радостный*, *сохой-үөр удивляться и радоваться*, *үөр-хомой и радоваться, и огорчаться*, *үөрүү-хомолто и радость, и огорчение*. Парные слова формируют сибирательное значение со сложной семантической структурой. В произведении раскрывается весь словообразовательный потенциал глагола, который как базовая единица является продуктивной производящей основой.

Имя прилагательное үөрүүлээх *радостный* употребляется с именами существительными, выполняющими в предложении функцию определения: үөрүүлээх күн *радостный день*, үөрүүлээх кэм *радостное время*: *Ол бэйтэ бу үөрүүлээх киёхэбэ туохтан ојотун атаастаата, тоёо хаана хамсаата?!* (142). *В этот радостный вечер почему он обидел своего ребенка, отчего так расстроился?*

Большинство персонажей романа бедные, но жизнерадостные люди. При описании их характера часто употребляются предикаты, выраженные именем прилагательным үөрүннээн *жизнерадостный*: Кини сүрдээх үөрүннээн, үчүгэй майгыннаах кини [Егордан] (142). *Он жизнерадостный человек с добрым нравом.* В некоторых случаях наблюдается калькированное употребление наречия үөрүүлэхтик *радостно*: Угус баайдардааџар кинилэр үөрүүлэхтик олороллор (53). *Им живется намного радостнее, чем многим богачам.* В якутском языке более уместно сочетание дьоллоохтук олороллор *живут счастливо*, чем үөрүүлэхтик олороллор *живут радостно*. В следующем предложении вместо наречия үөрүүлэхтик уместно употребление деепричастия на ан- үөрэн или үөрүүтүттэн *от радости*: <...> [Ојонньор] үөрүүлэхтик санга аллайда (310). *[Старик] радостно воскликнул.* Данные примеры актуализируют семантические признаки «полный радости», «жизнерадостный», характеризующие время и настроение людей.

В семантике парных слов чувство радости ассоциируется с полетом, весельем и сочетается с другими эмоциями человека: печалью, грустью и удивлением.

Радость и полет. Ассоциация радости с полетом встречается во многих примерах: Обонньор үөрэн өре көтө түхэр (314). *Старик подпрыгивает от радости.* Радость отражается на всем поведении человека, в осанке, движении и жестах. Сочетание глагола үөр- *радоваться* с глаголом көт- *летать* является наиболее частотным. Парный глагол үөр-көт- *радоваться, ликововать* (досл. *радоваться-летать*) употребляется в основном в форме деепричастий:

– в форме деепричастия на -а; Микийтэ үөрэ-көтө ойон тиийэр (23). *Микита радостно подбегает.* Уоттарын кытызыгыгар бары үөрэ-көтө олордулар (29). *Все радостно уселись у огня;*

– в форме деепричастия на -ан: Саас эрдэ Дьөгүөрдээннээх үөрэн-көтөн бэйэлэрин тапталлах уяларыгар – быыкаайык балаңннарыгар көстүлэр (110). *Ранней весной семья Егордана с радостью переехала в свое любимое гнездышко – маленькую избушку.* Үөрэн-көтөн көрсүхүү буолла... (179). *Произошла радостная встреча.*

Способностью радоваться наделяются и неодушевленные предметы (лодка, флаг), персонификация представлена в следующем сравнении: Балачча үлэлэббитин кэннэ тыыта босхолон, үөрбүт-көпүт курдук дыондос гына түстэ (8). *Освободившись от длительного труда, лодка радостно приподнялась.* Айан суолун кытызыгыгар кыныл былаахтара үөрэ-көтө тэлимнэхэллэр (308). *У обочины дороги радостно развеиваются красные флаги.*

Ирония – один из эффективных стилистических приемов автора – выражена антонимией прилагательных өйдөөх умный и акаары *глупый* и глаголов үөр-көт- *радоваться, ликововать* и айыл- *горевать, ытаа- плакать:* [Маайа] үтүө дъахтар, өйдөөх дъахтар, эн үөрээр-көтөөр. Мин акаары киши, айылбын, ытыбын... (37). *[Майя] ты благородная, умная женщина, радуйся, а я, глупый человечек, горюю, плачу...*

Парное существительное үөрүү-көтүү *большая радость, веселье* может употребляться как самостоятельное назывное предложение, а также встречается в усеченных восклицательных предложениях и в перечислении: Үөрүү-көтүү. (141, 246). Үөрүү-көтүү! (185), Үөрүү-көтүү, ас-үөл. Дьоро киэнэ (28). Для текста типично употребление аналитической конструкции, состоящей из именного сказуемого со вспомогательным глаголом буол: үөрүү-көтүү буолар, үлэ күүхүрэр... (86). ... *радуются, работа спорится...* Урүн дыбарыас инигэр үөрүү-көтүү буолар (21). *Белый дворец наполняется радостью.* Парное слово также употребляется в функции определения с аффиксом -лаах: үөрүүлээх-көтүүлээх уонна санаарбаыннаах ырыалар, түргэн битиилээх уонна саймаархай холук ырыалар суксуруха ылланаллар (306). *Поют радостные и грустные, быстрые и протяжные песни.* Үөрүүлээх-көтүүлээх, сэргэх ырыя ыныллар (307). *Разливается жизнерадостная живая песня.* Чувство радости вызывает оживление и веселье.

Радость и смех. В романе в полной мере реализуются словообразовательные и словоизменительные возможности глагола күл- *смеяться, хохотать.* Саала күлэн нырилии түстэ (316). *Зал взрывается от смеха.* Глагол часто употребляется в сочетании с глаголом үөр-, образуя синонимический ряд: Күлэллэр, үөрэллэр (53). *[Они] смеются, радуются.*

Глагол образует удвоенные и парные слова. Глагол күл- употребляется в форме деепричастия на -а и -ан: Онтон күлэ-күлэ Микийтэ утуйан хаалар... (17). *Затем Микита, смеясь, засыпает...* Удвоенное деепричастие на -ан с эмфатическим удлинением гласного используется при имитации интонации устной речи: Күлэн-күлэн баран эмискэччи уоскуйда <...> (70). *Смеялся, смеялся и внезапно успокоился.* Смех может быть детским, радостным, счастливым, задорным, веселым и добродушным. Подобные деепричастия в редуплицированном виде выражают продолжительность, многократность и интенсивность действия [24].

В парном слове глагол үөр- *радоваться* занимает либо препозицию, либо постпозицию. Глагол күл-үөр имеет значение смеяться, балагурить, радуясь от всей души [25]; досл. *смеяться и радоваться.* Часто встречается в перечислении: Суолу бына күлэ-үөрэ, сэхэргэнэ истилэр (156). *Всю дорогу они разговаривали, радовались и смеялись.* Способность радоваться свойственна всем: и детям, и пожилым: Обонньор дыону, дойдуну көрөн дуюйан таыста,

сытта, сыннъанна, куллэ-үөрдэ (303). *Старик, посмотрев на людей в городе, вернулся довольный, полежал, отдохнул, радовался и смеялся.*

Используя прием контраста, автор передает резкую смену настроения героев – радость сменяется печалью: Били кулэ-үөрэ олорор дьон бары кирийдилэр, кыччаатылар, суункутыйдулар (87). *Только что радостно смеявшиеся люди вдруг приникли, скучожились, помрачнели.* [Туллуктаан] Күлэ-үөрэ турбута ханна да сух буолан, дъэбидийэ түстэ... (170). [Туллуктан] стоял радовался и смеялся, вдруг резко поменялся в лице.

Радость и огорчение. В парных словах глагол үөр- сочетается с антонимом хомой- *огорчаться*. Глагол хомой- употребляется и самостоятельно, а в составе парного слова үөр-хомой- формирует обобщенное значение *и радоваться, и огорчаться*. Баылай оённьюр бары хамсырыга-харамайга, кылга-сүөнгүг барытыгар кишилии ейү-санааны, үөрэ-хомойор дьобурдара анаталыр (103). *Старик Василий наделяет всех животных, зверей, скотину человеческим умом и способностью радоваться и огорчаться.* Нередко встречаются формы парного слова с аффиксом -лаах, например, Кини [Бүөтүччэ] ... бэйэтэ тух эрэ санаалаах, үөрүүлэх-хомолтолоох, онууха эбии кырдъяас тойону соруйан кыйахыыра чахчы биллэр (82). *У него [Петруши] есть свои мысли, радости и печали, к тому же видно, что он нарочно дразнил пожилого господина.*

Радость и удивление. Глагол сохуй-үөр (сохуй- удивляться) обозначает радостное удивление: Кими барытын сохуй-үөрэ көрсөр үчүгэй майгынаах Такыйиах оённьюр: Дъэ, оонньоон-көрүлээн хааллахпый! – диэмэхтиир (65). *Добродушный старик Такыйах, всех встречающий с радостным удивлением, говорит: Давайте играть и веселиться!*

Периферия поля представлена контекстно обусловленными употреблениями языковых единиц, выражающих положительное эмоциональное состояние человека: смех, улыбка, веселье, счастье, игривость, юмор. Подобные слова в контексте образуют синонимические ряды глаголов кул- *смеяться, мичилий- радостно улыбаться; көрүлээ- веселиться, кул-оонньоо- смеяться, играть, кул-сал- смеяться, веселиться, кул-үөр- смеяться, радоваться, оонньоо-көрүлээ- играть, веселиться* и имен существительных дьол-сorgу *огромное счастье, көр-нар веселье, айдаан-кулүү шум-гам, смех.* Герои романа – люди добродушные, счастливые, веселые, большинство из них полны юмора и ощущения семейного тепла. Им незнакомо чувство одиночества, в общении между собой они часто смеются. Смех как яркое проявление радости является одним из основных характеристик персонажей, кто-то смеется редко и тихо, а кто-то много и задорно. В парном имени существительном айдаан-кулүү *шум-гам, смех* компонент айдаан *шум-гам* дополняет семантику слова кулүү *смех:* Ойолор тустан муостаңа үнкүрүйэллэр, бергээнэри ёрутэ тэбиэлииллэр, күдэн куппас көтөр, айдаан-кулүү күүгүнүүр (34). *Дети, борясь друг с другом, кувыркаются на полу, кидают шапки вверх, поднимают пыль, стоят шум и гам.*

Глагол кул *смеяться* употребляется в сочетании с глаголом оонньоо *играть:* Бу киэхени бына Сүөдэр оённьюр тухтан эрэ санныйбыт курдук буолла, кулбэтэ, оонньообото (314). *Этим вечером старик Федор грустил от чего-то, не смеялся и не шутил.* Нередко эти глаголы сочетаются с парным словом кул-оонньоо *смеяться, играть, веселиться:* Ити күнтэн ыла Даайа тосту уларыйда, кулбэт-оонньообот буолла (55). *С того самого дня Дайя резко изменилась, большие она не шутила и не смеялась.* В предложении компоненты парного слова могут поменяться местами. В форме деепричастия на -а оно служит в качестве обстоятельства образа действия: Эбэтэр Киргиэлэй «бэстилиэнэй тынынча» дин сүрдээх ынырык суюл оонньуу-кулэ кэпсийр (117). *Или Григорий весело рассказывает страшные истории о конце света, о «последнем тысячелетии».* В тексте встречаются конструкции с отлагольным именем существительным кулүү-оонньуу *смех, веселье, досл. смех-игра:* Быыкаайык балаңнга тух барыта тийбэт. Арай кулүү-оонньуу дэлэй, кинилэр баайдара ол (53). *В маленькой юрте достатка мало. Зато полно смеха и веселья, вот их настоящее богатство.*

Одним из частотных парных глаголов является кул-сал *смеяться, веселиться* [24]: Миитэрэй үөрдэ-көттө, куллэ-салла (199). *Дмитрий обрадовался, развеселился.* Микийтэ быраатын

кууспахтыр, илгиэлиир, тула көтөр, быыстала суюх сангарар, күлэр-салар (351). *Микита обнимает брата, потряхивает его, говоря без умолку, радостно бегает вокруг него.*

Персонажей объединяет совместный труд: Ол курдук набыл үлэ, көр-нар (128). Так и было, слаженная работа, веселье. Самый лучший праздник – конец войны. Радость сопровождается песнями и танцами. Имя существительное көр-нар веселье, забава [24] употребляется с аффиксом -лаах и с вспомогательным глаголом буол-: Түүннээх-күн көр-нар буолла. Ырынаыт үнкүүлээтэ, үнкүүнүт ыллаата (187). Веселье продолжалось весь день и ночь. Певцы затанцевали, танцовы запели. Гостеприимство – главная черта хозяев, они скучают, когда гости не ходят: Киргиэлэйдээххэ ыалдыыт ааннья сылдыыбат, көр-нар суюх (116). К Григорьевым гости перестали ходить, больше никто не веселится.

Счастье и радость неотделимы, парное имя существительное дъол-соргу огромное счастье передает проявление высшего счастья: Микийтэ айыры аймаңар, күн улуунугар тиийэн тыл эттэ, сана сангарда: «өрөгөй-талаан буолла, дъол-соргу буолла!» (21). *Микита идет к народу айыры, солнечному роду и держит слово: «торжествуйте, наступило огромное счастье!».*

Заключение

Эмоции являются, с одной стороны, универсальным психологическим переживанием, с другой стороны, они имеют культурную специфику. Функционально-семантическое поле эмоции РАДОСТЬ в тексте романа имеет полноценную структуру и насыщенное содержание, отражающее специфику эмоционального вокабуляра произведения. Эмоциональное состояние человека и его отношение к окружающему миру передаются языковыми единицами разного уровня. Поле имеет иерархическую организацию, состоящую из трех элементов: ядра, центра и периферии.

Ядерный глагол и производное от него имя существительное, обозначающие положительное эмоциональное состояние, представляют имя поля. Благодаря вспомогательным средствам аналитическая форма глагола приобретает признаки кратковременности и длительности. Также в контексте глагол реализует противоположное значение «злорадствовать». Анализ ядерных элементов показывает, что радость ассоциируется с детством, с чувствами тепла и счастья.

Центральные элементы дополняют поле семантическими признаками «полный радости», «жизнерадостный», характеризующими время и людей. Парные слова с компонентом үөр- обогащают семантическую характеристику поля, связывая радость с чувством полета, ей сопутствует печаль. Радость дополняется темпоральными признаками, она может наступить внезапно, продолжаться или смениться грустью. Внешне она выражается смехом и улыбкой. В романе представлены разные оттенки смеха, который может быть детским, радостным, счастливым, задорным, веселым и добродушным. Периферия поля представлена контекстно обусловленными употреблениями языковых единиц, выражающих положительное эмоциональное состояние человека: веселье, счастье, игривость, юмор.

В ходе анализа выявлены разные способы манифестиации эмоции радости в структурном и семантическом планах. Аффиксальное словоизменение и словообразование, аналитические формы глагола, словосложение, редупликация способствуют модификации значения основы слова и актуализации дополнительных оттенков значения слова. Для передачи эмоции радости автор Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыйя использует разнообразные синтаксические средства, также как восклицательные предложения, параллельные и усеченные конструкции, перечисление. Лексика выступает следующим важным источником выражения эмоций. В контексте происходит семантическое преобразование лексического значения слова вплоть до приобретения им противоположного значения. Богатая идеографическая и контекстуальная синонимия демонстрирует связь чувства радости с поведением и настроением человека. Радость и счастье – неотделимые чувства – проявляются в виде веселья и ликования.

Радость является зеркальным отражением чувства печали. Контраст передается лингвистическими и стилистическими средствами, изменением семантики слов, употреблением приемов антитезы, антонимии и иронии. Источником радости героев становятся встреча

с родными, общение в кругу друзей, совместный труд, любая удача, конец войны и другие события в их жизни. Через описание эмоционально-психологического состояния персонажей автору удалось создать особый мир настроений, полный разных оттенков человеческих эмоций, чувств и взаимоотношений.

Л и т е р а т у р а

1. Переверзин В. М. Художественный мир Николая Мордина-Амма Аччыгыйя в зеркале эстетики // Переверзин В. М. Границы художественной правды. – Якутск, 1997. – С. 83-89.
2. Ефремова С. И. Роман Н. Е. Мордина-Амма Аччыгыйя «Весенняя пора»: сравнительный анализ двух редакций: сюжет, композиция, образы. Дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – Якутск, 2006. – 260 с.
3. Бурцев А. А. Черты поэтики романа Н. Е. Мордина «Весенняя пора» // Вестник СВФУ. – Якутск, 2012. – Т. 9, № 4. – С. 80-87.
4. Амма Аччыгыйя – уран тыл улуу маастара: ыстатыйалар хомуурунъуктара / Ред. Окорокова В. Б. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. – 155 с.
5. Черосов М. М. Крылатые выражения в произведениях Амма Аччыгыйя // Хотугу сулус. – Якутск, 1981. – № 1. – С. 91-94.
6. Филиппов Г. Г. Улуу Саха // Амма Аччыгыйя – уран тыл улуу маастара. – Дьюкуускай: СГУ, 2007. – С. 19-33.
7. Васильев Ю. И. «Сааскы кэм» тэнгэбиллэрэ // Хотугу сулус. – Якутск, 1988. – № 1. – С. 86-88.
8. Винокуров И. П. О языке «Весенней поры» // Хотугу сулус. – Якутск, 1981. – № 6. – С. 96-102.
9. Винокуров И. П. Айымныга нуучча тыла (Амма Аччыгыйян «Сааскы кэминэн») // Проблемы двуязычия (многоязычия) в современном социокультурном пространстве. – Якутск: Изд-во ИГИ АН РС (Я), 2007. – С. 210-216.
10. Винокуров И. П. Амма Аччыгыйя персонаж сацатын биэриитэ // Амма Аччыгыйя – уран тыл улуу маастара: ыстатыйалар хомуурунъуктара / Ред. Окорокова В. Б. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. – С. 112-120.
11. О. Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии: сборник научных статей. – Якутск: Изд-во ИГИПМНС СО РАН, 2003. – 212 с.
12. Федорова В. С., Григорьева М. А. Амма Аччыгыйя кэпсээннэригэр кэпсэтии этикиэтин холобура // Стилистика якутского языка: состояние, перспективы: сборник статей I республиканской научной конференции по стилистике якутского языка. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2008. – С. 260-262.
13. Ефремова С. И. Личность культуратыгар уонна нация культуратыгар Амма Аччыгыйя «Сааскы кэм» романыны тылын-өхүн исторический оруола // Саха уран тыла: кыраапыка, арлагыраапыйа, тиэрмин ўөрэбэ, истилистика уонна туттуу эйгэтэ: Саха бастакы линкибиис ученайа С. О. Нобууодап төрөөбүтэ 115 сылыгар аналаах өрөспүүбүлүктээби научной-практической кэмпиринсийэ матыры-яааллара. – Якутск, 2008. – С. 111-113.
14. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
15. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 763 с.
16. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XII. – 776 с.
17. Изард К. Э. Психология эмоций / Пер. с англ. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 464 с.
18. Рогов Е. И. Эмоции и воля. – М.: Гуманит. Изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 240 с.
19. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
20. Сергеева Д. В. Концепт «радость» в русском и английском языках (сопоставительный анализ на материале произведений Ф. М. Достоевского и Ч. Диккенса): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 2004. – 207 с.
21. Скорик Н. В. Вербализация эмоций в художественном произведении // Вестник Тюменского государственного университета. – Тюмень, 2008. – № 1. – С. 140-146.
22. Пекарский. Словарь якутского языка. – Т. III. – Вып. 10-13. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 3147 стб.
23. Амма Аччыгыйя. Сааскы кэм. – Якутск: Изд-во «Бичик», 1994. – 357 с.
24. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. Е. И. Убрятова. – М.: Наука, 1982. – 496 с.

25. Большой толковый словарь якутского языка – Саха тылын Былаарыылаах улахан тылдыята: в 13 т. Т. IV: Буква К / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.

R e f e r e n c e s

1. Pereverzin V. M. Khudozhestvennyi mir Nikolaia Mordinova-Amma Achchygyia v zerkale estetiki // Pereverzin V. M. Grani khudozhestvennoi pravdy. – Iakutsk, 1997. – S. 83-89.
2. Efremova S. I. Roman N. E. Mordinova-Amma Achchygyia «Vesenniaia pora»: sravnitel'nyi analiz dvukh redaktsii: siuzhet, kompozitsiya, obrazy. Diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. – Iakutsk, 2006. – 260 s.
3. Burtsev A. A. Cherty poetiki romana N. E. Mordinova «Vesenniaia pora» // Vestnik SVFU. – Iakutsk, 2012. – T. 9, № 4. – S. 80-87.
4. Amma Achchygyia – uran tyl uluu maastara: ystatyialar khomuurun'uktara / Red. Okorokova V. B. – Iakutsk: Izd-vo IaGU, 2007. – 155 s.
5. Cherosov M. M. Krylatye vyrazheniya v proizvedeniakh Amma Achchygyia // Khotugu sulus. – Iakutsk, 1981. – № 1. – S. 91-94.
6. Filippov G. G. Uluu Sakha // Amma Achchygyia – uran tyl uluu maastara. – D'okuuskai: SGU, 2007. – S. 19-33.
7. Vasil'ev Iu. I. «Saasky kem» teñnebillere // Khotugu sulus. – Iakutsk, 1988. – № 1. – S. 86-88.
8. Vinokurov I. P. O iazyke «Vesenni pory» // Khotugu sulus. – Iakutsk, 1981. – № 6. – S. 96-102.
9. Vinokurov I. P. Aiymn'yga nuuchcha tyla (Amma Achchygyiin «Saasky keminen») // Problemy dvuiazychiia (mnogoiazychiia) v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve. – Iakutsk: Izd-vo IGI AN RS (Ia), 2007. – S. 210-216.
10. Vinokurov I. P. Amma Achchygyia personazh sañatun bieriite // Amma Achchygyia – uran tyl uluu maastara: ystatyialar khomuurun'uktara / Red. Okorokova V. B. – Iakutsk: Izd-vo IaGU, 2007. – S. 112-120.
11. O. N. Betling i voprosy tiurkskoi filologii: sbornik nauchnykh statei. – Iakutsk: Izd-vo IGIPMNS SO RAN, 2003. – 212 s.
12. Fedorova V. S., Grigor'eva M. A. Amma Achchygyia kepseeneriger kepseti etikietin kholobura // Stilistika iakutskogo iazyka: sostoianie, perspektivy: sbornik statei I respublikanskoi nauchnoi konferentsii po stilistike iakutskogo iazyka. – Iakutsk: Izd-vo IaGU, 2008. – S. 260-262.
13. Efremova S. I. Lichnost' kul'turatygar uonna natsiia kul'turatygar Amma Achchygyia «Saasky kem» romanyn tylyn-əhyp istoricheskai oruola // Sakha uran tyla: kyraapyka, arpagyraappya, tiermin yorebe, istiliitske uonna tuttuu eigete: Sakha bastaky linkibii uchenaiia S. O. Nojuruodap tereöbyte 115 slygar anallaakh öreöspyybylyketeäge nauchnai-prakticheskai kempiriensiie matryriaallara. – Iakutsk, 2008. – S. 111-113.
14. Bondarko A. V. Funktsional'naia grammatika. – L.: Nauka, 1984. – 136 s.
15. Gak V. G. Iazykovye preobrazovaniia. – M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1998. – 763 s.
16. Vezhibitskaia A. Semanticheskie universalii i opisanie iazykov / Per. s angl. A. D. Shmeleva pod red. T. V. Bulyginoi. – M.: «Iazyki russkoi kul'tury», 1999. – I-XII. – 776 s.
17. Izard K. E. Psikhologiya emotsiy / Per. s angl. – SPb.: Izd-vo «Piter», 2000. – 464 s.
18. Rogov E. I. Emotsii i volia. – M.: Gumanit. Izd. tsentr VLADOS, 2001. – 240 s.
19. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept. – M.: Gnozis, 2004. – 192 s.
20. Sergeeva D. V. Kontsept «radost» v russkom i angliiskom iazykakh (sopostavitel'nyi analiz na materiale proizvedenii F. M. Dostoevskogo i Ch. Dikkensa): Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. – M., 2004. – 207 s.
21. Skorik N. V. Verbalizatsiia emotsiy v khudozhestvennom proizvedenii // Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tiumen', 2008. – № 1. – S. 140-146.
22. Pekarskii. Slovar' iakutskogo iazyka. – T. III. – Vyp. 10-13. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. – 3147 stb.
23. Amma Achchygyia. Saasky kem. – Iakutsk: Izd-vo «Bichik», 1994. – 357 s.
24. Grammatika sovremennoi iakutskogo literaturnogo iazyka. Fonetika i morfologiya / Otv. red. E. I. Ubriatova. – M.: Nauka, 1982. – 496 s.
25. Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka – Sakha tylyn Byhaaryylaakh ulakan tyld'ya: v 13 t. T. IV: Bukva K / Pod red. P. A. Sleptsova. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 672 s.

